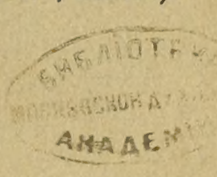
А. В. Филипповъ.

РУССКІЕ
поливные изразцы XVI вѣка

(Оттискъ изъ „Сборника Московскаго О-ва по изслѣдованію памятниковъ древности", вып. I).

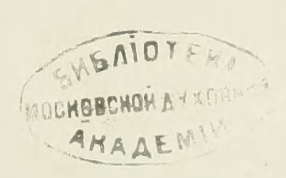

МОСКВА.
1915.

А. В. Филипповъ.

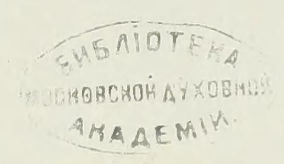
РУССКІЕ

поливные изразцы XVI вѣка

МОСКВА.
1915.

МОСКВА—1915.
Товарищество ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Арбатская пл., Филипповскій п., 11.

Русскіе поливные изразцы XVI вѣка.

Когда началась въ Московской Руси глазуровка или муравленіе глиняныхъ издѣлій; когда впервые московскіе гончары выгрузили изъ своихъ печей издѣлія расцвѣченныя, блещущія и играющія стеклянной поливой?

На этотъ вопросъ еще нельзя дать опредѣленнаго отвѣта. Забѣлинъ въ своей исторіи цѣниннаго дѣла 1853 года его даже не затрагиваетъ[1]).

Н. Султановъ въ 1885 году думалъ, что поливные изразцы появились въ московскомъ зодчествѣ лишь въ XVII вѣкѣ.[2]) Даже и теперь, спустя почти тридцать лѣтъ, приходится читать, что „въ XV и XVI вѣкахъ изразцы еще не покрывались поливою и были цвѣта обожженной глины“[3]).

Только такой отвѣтъ на вопросъ о началѣ муравленія въ Московской Руси можно найти въ объединяющихъ изслѣдованіяхъ по исторіи нашего цѣниннаго дѣла.

Между тѣмъ и въ XVI вѣкѣ на Москвѣ знали и примѣняли поливу на изразцахъ.

Въ XVI столѣтіи поливные изразцы были примѣнены на шатрѣ собора Василія Блаженнаго въ Москвѣ (1555 - 1560 гг.) и на Старицкомъ соборѣ (1561 г.).

Соборъ Василія Блаженнаго, построенный въ срединѣ XVI вѣка, на верху шатра былъ украшенъ цвѣтными поливными изразцами, задѣланными рюмками

---

[1]) И. Е. Забѣлинъ. Историч. обозр. финифт. и ценинная дѣла въ Россіи. СПБ. 1853.

[2]) Н. Султановъ. „Изразцы въ древне-русскомъ искусствѣ“. Въ „Матеріалалъ по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной“ А. Прохорова. СПБ. 1885.

[3]) „Баянъ“ 1914, № 2, стр. 56. „Гончарное искусство въ древней Руси“ Е. Шмидтъ.

въ кирпичную кладку. Плоскіе изразцы фигурной формы, въ видѣ сердца съ двумя отростками, отдѣльными кусками расположены вокругъ изразчатаго „шара", образуя на фонѣ кирпичной кладки цвѣтныя звѣзды. Такія сложныя фигуры изразцовъ, снабженныхъ рюмками, могли быть поставлены только при стройкѣ собора,—или одновременно съ кладкою кир-

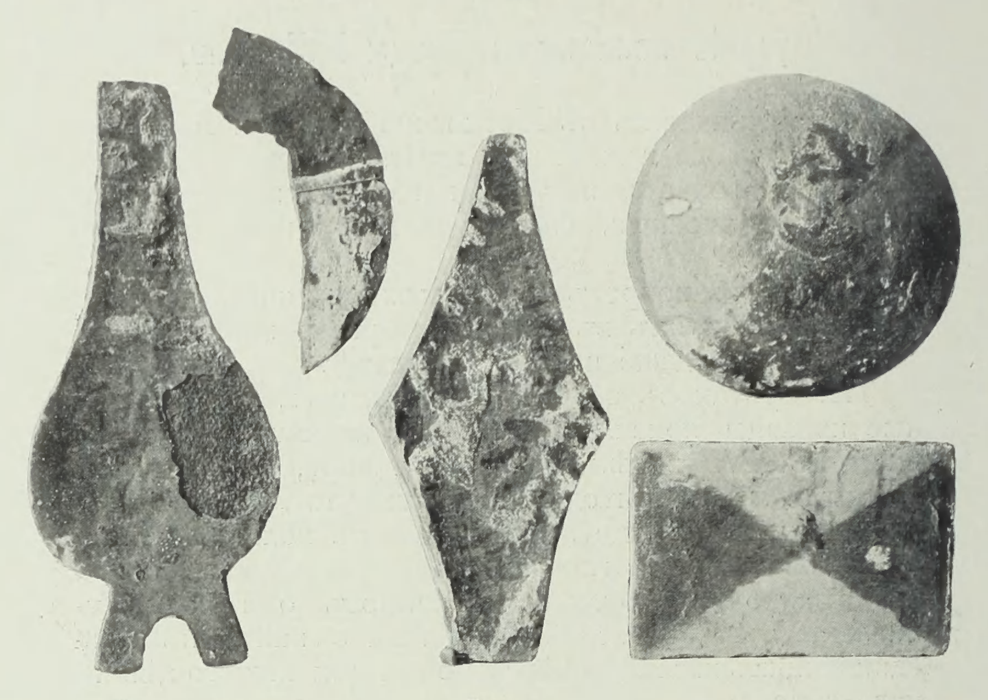

Рис. 1.

пичныхъ стѣнъ и шатровъ, или вслѣдъ за ней, путемъ инкрустаціи въ оставленныя для нихъ фигурныя впадины. Фигурные изразцы, прямоугольники, круги и „шары", снятые съ шатра собора Василія Блаженнаго во время его реставраціи въ 1880 годахъ, хранятся въ Историческомъ музеѣ. Они окрашены эмалями разныхъ цвѣтовъ — бѣлой, бирюзовой, желтой, синей и коричнево-красной [4]). Рис. 1.).

Не позднѣе 1561 года исполнена также рельефная глазурованная икона „Распятіе" съ собора въ г. Ста-

[4]) На нѣкоторыхъ изъ этихъ изразцовъ имѣется помѣтка, что они пожертвованы въ 1885 году архит. Н. В. Никитинымъ. А. Ф.

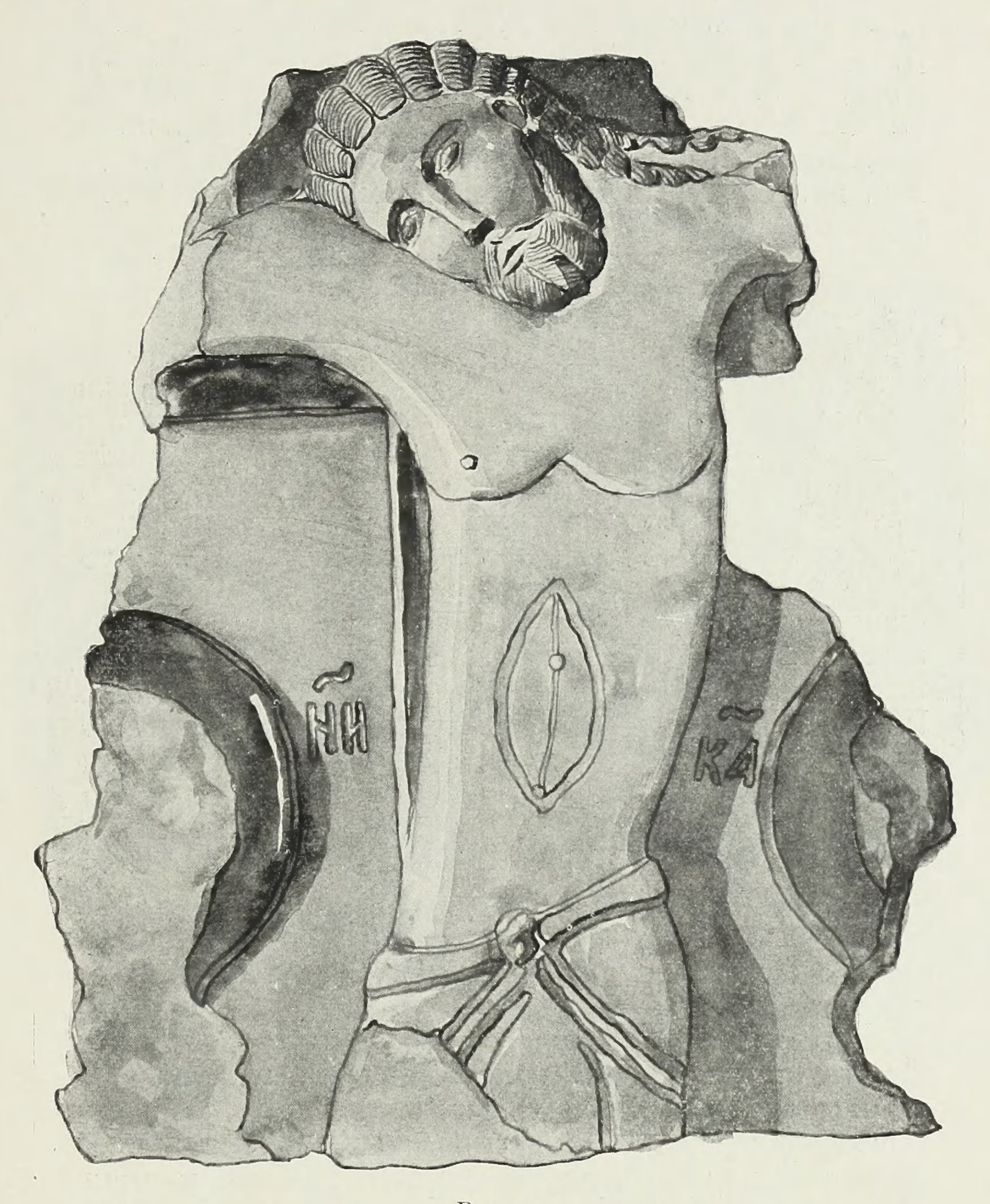

Рис. 2.

рицѣ[5]). Сохранившійся кусокъ этой иконы находится въ Тверскомъ музеѣ; на немъ имѣется половина фи-

5) См. прекрасное изслѣдованіе: А. Жизневскій. Изразцы на Старицкомъ соборѣ, построенномъ въ 1561 году. Тверь, 1888. Самое изображеніе до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, не было опубликовано ни въ рисункѣ, ни въ фотографіи. А. Ф.

гуры Распятаго Спасителя: голова, торсъ и часть рукъ; за фигурой Спасителя виденъ крестъ; на фонѣ, вокругъ Распятія имѣется вглубь сдѣланная надпись НИКА и часть нимбовъ предстоящихъ. Покрашенъ изразецъ сквозными глазурями—желтоватой свинцовой, желтой сурьмяной, зеленоватой и коричневатой. (Рис. 2).

Рис. 3.

Во Псковѣ въ половинѣ XVI вѣка также знали и примѣняли глазурь.

До нашего времени сохранились своеобразные памятники псковской глазурованной керамики указаннаго времени. Это—плиты-надгробія въ склепахъ Псково-Печерскаго монастыря. Надгробныя плиты имѣютъ надписи съ годомъ смерти погребенныхъ подъ ними лицъ. Имѣются года: 7069, 7082, 7085 и 7086 (1561, 1574, 1577 и 1577). Плиты—зеленыя муравленыя.

Псковъ сохранилъ поливные изразцы, быть можетъ, и болѣе ранней работы, на церкви св. Георгія со Взвозу, построенной въ 1494 году. Барабанъ церкви украшенъ изразцовымъ поясомъ съ различными изображеніями: человѣка съ клинообразной бородою и

другого безъ бороды, миѳологическаго звѣря, птицы, барса[6]). Изразцы замазаны зеленой краской и разглядѣть ихъ снизу не представляется возможнымъ. Два изразца съ этой церкви, одинъ цѣльный, другой — фрагментъ, находятся въ Псковскомъ археологическомъ музеѣ (№№ 2007 и 2006). Изразцы найдены внутри храма, подъ штукатуркою. Зеленые поливные, крайне архаическаго рисунка и лѣпки (рис. 3), они, быть можетъ, современны постройкѣ храма (1494) и

Рис. 5

Рис. 4.

являютъ собою сохранившіеся памятники поливной керамики Пскова конца XV вѣка. Судя по датированнымъ, крупнаго размѣра и хорошей работы поливнымъ плитамъ Псково-Печерскаго монастыря средины XVI столѣтія, эти архаическіе небольшіе ($4 \times 5^1/_8$ в.) изразцы церкви Георгія со Взвозу вполнѣ можно отнести къ болѣе раннему времени постройки самаго храма, т. е. къ 1494 году [7]).

Въ Москвѣ и Твери труднѣе найти указанія на примѣненіе глазури до 1555—1561 годовъ.

---

[6]) Спутникъ по древнему Пскову, составленный Н. Ѳ. Окуличъ—Казаринымъ. Изданіе Псковскаго Ареологическаго Общества. Псковъ 1913. Изданіе второе. Стр. 149.

[7]) Н. Ѳ. Окуличъ-Казаринъ во второмъ изданіи „Спутника по древнему Пскову“ также высказываетъ предположеніе: „Кажется, съ конца XV вѣка появляются цвѣтные изразцовые пояски, придающіе новую прелесть церковнымъ куполамъ“ (Стр. 55).

Можно лишь установить, что красные изразцы, относимые къ началу XVI вѣка, работались гончарами, уже знавшими и примѣнявшими глазурь. Нѣкоторые изъ этихъ терракотовыхъ изразцовъ обжигались одновременно съ поливными издѣліями. При этомъ, на терракотоваго многоголоваго звѣря на изразцѣ Историческаго музея попала случайно безцвѣтная свинцовая глазурь, а еще болѣе архаичный изразецъ Тверского музея съ изображеніемъ князя съ княгиней имѣетъ сбоку сильный натекъ зеленой глазури, попавшей на изразецъ случайно, во время обжига, съ какой то муравленой вещи, обжигавшейся въ той же печи. (Рис. 4 и 5).

Итакъ несомнѣнно, что въ 50-ыхъ и 60-ыхъ годахъ XVI столѣтія въ Москвѣ, Твери и Псковѣ примѣняли глазури; въ двухъ первыхъ городахъ — многоцвѣтныя. Возможно, что въ перечисленныхъ городахъ знали уже одноцвѣтную глазурь въ концѣ XV — началѣ XVI столѣтій.

Среди упомянутыхъ изразцовъ XVI вѣка особенный интересъ имѣетъ старицкій изразецъ 1561 года съ изображеніемъ Распятія (рис. 2). Интересъ къ нему усиливается еще потому, что на соборѣ въ г. Дмитровѣ, Московской губ., сохранились два изразцовыхъ изображенія Распятій, которые по своему характеру, матеріаламъ и техникѣ исполненія очень близки къ старицкому изразцу.

Распятія дмитровскаго собора, собранныя изъ рельефныхъ поливныхъ изразцовъ, въ видѣ композицій иконнаго характера, до сихъ поръ въ цѣлости находятся снаружи собора, въ среднихъ его закомарахъ, на сѣверномъ и южномъ фасадахъ. (Рис. 6).

Точная дата постройки Успенскаго собора въ Дмитровѣ неизвѣстна; по своимъ архитектурнымъ формамъ онъ можетъ относиться къ XV—XVI столѣтіямъ [8]).

---

[8]) Къ собору въ XVIII столѣтіи пристроена колокольня, а въ 1841 г. сооружены новыя двухъэтажныя галлереи, скрывшія внутрь собора третье изразчатое украшеніе фасада — икону св. Георгія. Теперь св. Георгій находится въ Сергіевскомъ придѣлѣ, во второмъ этажѣ соборной галле-

Дмитровскія Распятія не одинаковы. Центръ ихъ композиціи: Спаситель, распятый на семиконечномъ крестѣ, и четыре фигуры предстоящихъ имѣютъ еще много общаго въ изображеніяхъ сѣвернаго и южнаго фасадовъ. Обрамленія и общая форма изображеній — разныя. Сѣверное — болѣе богатое, — увѣнчано заостреннымъ кокошникомъ съ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, южное — болѣе простой формы — обрамлено

Рис 6.

изразцовыми тягами архитектурнаго характера въ видѣ жгутовъ и балясинъ. Размѣры изображеній — около 4 аршинъ въ высоту и 2 въ ширину [9]).

По техникѣ дмитровскія Распятія и икона Георгія,

реи. Проекты перестройки галлереи 1841 года хранятся въ соборѣ. Изображеніе Георгія, по всѣмъ даннымъ одновременное съ двумя Распятіями, недавно опубликовано по фотографіи П. П. Покрышкина Я. И. Смирновымъ въ изданіи: Устюжское изваяніе святого Георгія Московскаго Большого Успенскаго собора. Москва 1915 (оттискъ изъ XXV тома „Древностей").

[9]) Фотографіи и точные обмѣры Распятій сдѣланы недавно М. Э. Воронцомъ и В.С. Вороновымъ. Ихъ опубликованіе должно явиться цѣннымъ матеріаломъ для исторіи русскаго искусства и въ частности керамики.

А. Ф.

и старицкое Распятіе 1561 года такъ близки между собою, точно сдѣланы одновременно и въ одной мастерской.

Всѣ четыре изображенія исполнены изъ свѣтлой, чуть желтоватой въ обжигѣ глины. Окрашены изразцы сквозными безцвѣтными глазурями и сурьмяной желтой глазурью — то чистой, желтаго цвѣта, то—съ примѣсью желѣза—оранжеватыхъ оттѣнковъ. Въ дмитровскихъ, цѣликомъ сохранившихся изображеніяхъ, кромѣ этихъ желтоватыхъ глазурей имѣется еще зеленая мѣдная и коричнево-фіолетовая марганцовая глазурь. Всѣ глазури сквозныя, просвѣчивающія. Общій колоритъ покойный, теплый, желтоватый— отъ лимонныхъ до оранжевыхъ оттѣнковъ, — съ примѣсью зелени и темнаго коричнево-фіолетоваго тона.

Всѣ изразцы изображеній крупные, „большой руки"; ихъ размѣры доходятъ до 12 вершковъ [10]). Рельефъ изображеній довольно значительный,—до 1 1/2 вершка,—отличается спокойствіемъ и рѣшенъ большими поверхностями; только отдѣльныя части изображеній—волосы, сбруя на конѣ Георгія, орнаментъ обрамленій—переходятъ иногда въ детальную мелкую разработку, игривую и переливчатую подъ слоемъ глазури.

Судя по сильнымъ потекамъ глазурей на изразцахъ въ одномъ направленіи, можно опредѣленно сказать, что изразцы обжигались въ печи стоя, въ вертикальномъ положеніи, т.-е. ставились въ печи на ребро [11]). Отмѣченные потеки особенно ясно видны на изображеніи св. Георгія.

Описанная техника старицкихъ и дмитровскихъ изразцовъ далека отъ той, какою пользовались русскіе цѣнинныхъ дѣлъ мастера во 2-й половинѣ XVII вѣка, когда изразцовое дѣло получило громадное количественное развитіе.

Во второй половинѣ XVII столѣтія всѣ изразцы, сохранившіеся въ Москвѣ, Н.-Іерусалимѣ, Ярославлѣ

---

[10]) Такіе размѣры изразцовъ во второй половинѣ XVII в. попадаются лишь, какъ рѣдкое исключеніе. А. Ф.

[11]) Сравн. у И. Е. Забѣлина. Историч. обозрѣніе финифт. и ценинназо дѣла въ Россіи. СПБ. 1853... „изразецъ клали въ обжигательную печь" (стр. 46). А. Ф.

съ Поволожьемъ, Новгородѣ, В.-Устюгѣ, дѣлались исключительно изъ красной глины. Многоцвѣтные изразцы XVII вѣка красились—„наводились“ глухими непрозрачными эмалями опредѣленной пятицвѣтной палитры, далекой отъ сквозныхъ глазурей дмитровскихъ и старицкихъ изображеній [12]).

Общность матеріаловъ и техники исполненія, непохожихъ на примѣнявшіеся во второй половинѣ XVII столѣтія, близость композицій и одинаковые сюжеты Распятій г. Старицы и г. Дмитрова заставляютъ относить эти изображенія къ одному времени, т.-е. къ срединѣ XVI столѣтія.

Сравнимъ старицкій изразецъ съ центральными изразцами дмитровскихъ Распятій, на которыхъ изображены голова и торсъ Спасителя:

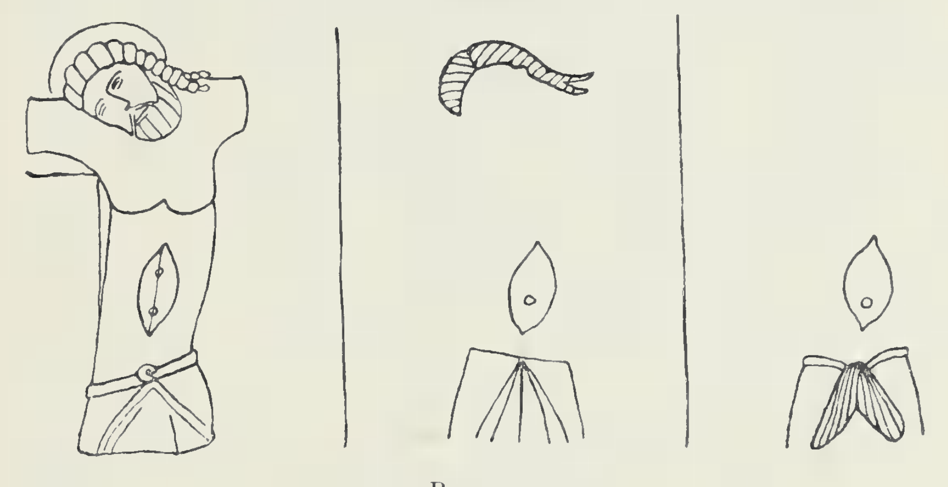

Рис. 7.

На всѣхъ трехъ изразцахъ, кромѣ уже указанной общности, окраска фигуръ одинакова: онѣ наведены безцвѣтной сквозной глазурью, у всѣхъ — волнистый изгибъ торса и одинъ характеръ лѣпки; всѣ нимбы окрашены темно-желтой сурьмяной глазурью.

Всѣ три Распятія разнятся между собою лишь въ деталяхъ, видныхъ изъ приложеннаго рисунка; при этомъ разница между старицкимъ изразцомъ и однимъ

[12]) Техника древне-русскихъ изразцовъ подробно разработана авторомъ этой статьи въ особомъ изслѣдованіи, которое въ недалекомъ времени будетъ опубликовано. А. Ф.

изъ дмитровскихъ не больше, чѣмъ послѣднихъ между собою.

Близкое сравненіе трехъ Распятій устанавливаетъ несомнѣнную связь ихъ между собою и въ отношеніи стиля, и въ смыслѣ гончарной техники. Дмитровскія Распятія вмѣстѣ съ этимъ пріобрѣтаютъ исключительное значеніе, какъ прекрасно сохранившіеся памятники русской керамики XVI столѣтія. Теперь старицкое Распятіе 1561 года не одиноко, и въ распоряженіи изслѣдователя имѣется уже рядъ однородныхъ поливныхъ изразцовыхъ изображеній XVI вѣка. Опубликованіе фотографій дмитровскихъ Распятій дастъ возможность подробнѣе изучить и сравнить эти памятники цѣниннаго дѣла.

Изразчатое изображеніе Георгія (рис. 8) находится на южной стѣнѣ Дмитровскаго собора въ восточной лопаткѣ троечастнаго дѣленія фасада. Какъ уже было сказано, благодаря двухъ-этажной галлереѣ, пристроенной въ 1841 году, теперь изображеніе Георгія находится внутри галлереи, во 2-мъ этажѣ собора, у клироса Сергіевскаго придѣла, и его изученіе на мѣстѣ сравнительно удобнѣе, чѣмъ изученіе Распятій.

Композиція включена въ кругъ діаметромъ 4 ар. 2 вершка. Справа часть круга закрыта иконостасомъ придѣла [13]). Конный Георгій изображенъ рельефомъ, доходящимъ до 1½ вершка, на четырехъ- и трехугольныхъ плитахъ неправильной формы. Вверху изображены: парящій ангелъ, поддерживающій надъ головой Георгія корону, и благословляющая, двуперстно сложенная рука [14]). Волосы Георгія и ангела рѣшены въ видѣ поверхности изъ мелкихъ правильныхъ завитковъ. У головы Георгія сдѣлана надпись: стґы гєгоргє. Подъ ногами коня помѣщенъ крылатый драконъ. Длинное тонкое копье исполнено изъ мѣди и придѣлано къ правой рукѣ Георгія. Изображеніе включено

---

[13]) Въ трудѣ Я. И. Смирнова указанъ размѣръ „около 3 аршинъ діаметромъ“. Нашъ обмѣръ (діаметръ = 4 арш. 2 в.) считается съ изразчатою рамой Въ указанномъ трудѣ, въ примѣчаніи на стр. 107—108 высказаны нѣкоторыя соображенія о времени рельефа и приведена литература, упоминающая объ изображеніи Георгія въ Дмитровѣ.

[14]) Такимъ же двуперстнымъ благословеніемъ сложены руки у лѣвыхъ фигуръ предстоящихъ на обоихъ Распятіяхъ дмитровскаго собора.

А. Ф.

въ раму изъ рельефной тяги въ видѣ скрученной веревки, законченную фигурными зубчатыми изразцами, формой напоминающими древнюю русскую черепицу, съ вытѣсненнымъ на нихъ рельефнымъ цвѣткомъ. На границѣ центральнаго круга съ Георгіемъ

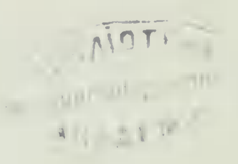
Рис. 8.

и кольца рамы сдѣланы штриховыя нарѣзки (гвоздемъ) X III M, переходящія на раму. Эти царапины по глинѣ нужны были при сборкѣ иконы изъ кусковъ при установкѣ ея на мѣсто. Кольцевидная рама или сдѣлана

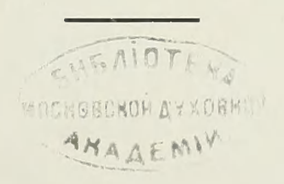
была немного меньшаго діаметра, чѣмъ нужно для включенія круга, или слегка покоробилась при сушкѣ.

Въ цѣломъ изображеніе Георгія останавливаетъ вниманіе, какъ большое художественное произведеніе. Ясность композиціи, выразительность фигуръ и мастерство исполненія рельефа и окраски должны отвести этому изразцовому изображенію видное мѣсто въ исторіи русскаго искусства XVI вѣка.

А. Филипповъ.

Къ рисункамъ и фотографіямъ.

Duke University Libraries
D01112067I